

DOI: 10.31857/S086919080015077-1

ИСТОРИЯ ИНДИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1950–1991 гг.

© 2021

Э.П. ШАВЛАЙ^a^a – МГИМО (У) МИД России, Москва

ORCID: 0000–0001–5380–7009; shavlaj.e.p@my.mgimo.ru

Резюме: Индийско-китайские отношения носили ограниченный характер вплоть до середины XX столетия. Установив дипломатические связи в 1950 г., два государства прошли через несколько этапов взаимодействия друг с другом – от дружеского с лозунгами «Индийцы и китайцы – братья навек» к враждебному, кульминацией которого стала индийско-китайская война 1962 г., и от конфликта, в результате которого неотъемлемым фактором отношений двух государств стало недоверие друг к другу, – к налаживанию партнёрства. Автор называет их «временами года», потому что фазы диалога Дели и Пекина сменяли друг друга подобно четырём сезонам: лето перешло в осень, осень обернулась затянувшейся зимой, которая лишь к концу прошлого века стала постепенно трансформироваться в весну. Четыре десятилетия, хотя это и недолгий срок для стран с многовековой историей, оставили глубокий след в восприятии ими друг друга и до сих пор оказывают влияние на все сферы сотрудничества между ними, что обуславливает их значимость и актуальность для исследования. Однако двустороннее взаимодействие Индии и Китая как на современном этапе, так и в прошлом по-прежнему слабо освещено в отечественной науке, а потому статья призвана заполнить лакуну отечественной историографии, относящуюся к периоду 1950–1990 гг., и представить целостную картину эволюции китайского направления индийской внешней политики от Джавахарлала Неру до Раджи́ва Ганди. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что рассматриваемый период обнажил противоречия двух стран, заложенные ещё в период колониализма и усилившиеся на фоне геополитического соперничества, став фундаментом для современных отношений Дели и Пекина.

Ключевые слова: Индия, Китай, фактор недоверия, история XX века, геополитическое соперничество, Азия, пакистанский фактор.

Для цитирования: Шавлай Э.П. История индийско-китайских отношений 1950–1991 гг. Восток (Orient). 2021. № 3. С. 168–180. DOI: 10.31857/S086919080015077-1

HISTORY OF INDIA-CHINA TIES BETWEEN 1950 and 1991

© 2021

Ellina P. SHAVLAY^a^a – MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000–0001–5380–7009; shavlaj.e.p@my.mgimo.ru

Abstract: Up until the mid-20th century India-China contacts were mostly limited to pilgrimage and local trade. Nevertheless, having established diplomatic ties in 1950, the two states went through several stages of interaction with each other: from friendly dialogue to hostility

culminating in the Sino-Indian war of 1962; from waging the conflict to building partnership in the 1980–1990s. The author calls them “seasons” since all the phases of dialogue between Delhi and Beijing succeeded each other in an akin way: summer turned autumn, the latter ended up in a protracted winter, which began to gradually transform into spring towards the end of the last century. Four decades, albeit a short period for countries with a long history, have left a deep imprint on their perception of each other and still have a profound impact on all areas of cooperation between them, which determines the relevance of the study. Yet India-China bilateral interaction both at the present stage and in the past is still poorly covered in domestic science. Hence, the article is intended to fill the gap in Russian historiography covering the period 1950–1991 and to present a holistic perspective on the evolution of India’s China policy from Jawaharlal Nehru to Rajiv Gandhi. The author concludes that India-China ties during bipolar period revealed the fundamental controversies between the two states, which trace their roots back to the colonialist times and remain one of the most negative factors affecting mutual relations until present.

Keywords: India-China relations, Pakistani factor, geopolitical rivalry, the 20th century, Asia, historical background.

For citation: Shavlay E.P. History of India-China Ties Between 1950 and 1991. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 3. Pp. 168–180. DOI: 10.31857/S086919080015077-1

Взаимодействие Индии и Китая в биполярный период слабо освещено в отечественной науке. Между тем он наилучшим образом иллюстрирует все четыре «сезона» индийско-китайских отношений: лето – «хинди – чини бхай – бхай» с 1950 по 1959 г.; осень – от Тибетского кризиса 1959 г. до войны 1962 г.; зима – война и постконфликтное состояние «заморожки» двустороннего взаимодействия; и весна – разрядка, вызванная визитом индийского премьер-министра Раджива Ганди в Китай, с последующим налаживанием диалога между двумя странами.

«ЛЕТО», ИЛИ «ИНДИЙЦЫ И КИТАЙЦЫ БРАТЬЯ НАВЕК» (1949–1959)

Главным архитектором китайского направления индийской внешней политики закономерно считается первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Индийский лидер был убеждённым сторонником паназиатизма, который он понимал как единую судьбу азиатских народов, призванных отстаивать свою независимость и своё понимание глобального мироустройства, отличного от империалистических держав [Deshingkar, 1999, p. 85–100]. При этом Индия и Китай как «столпы» азиатского мира должны были вести деколонизованные государства за собой. В этой связи вполне закономерно, что Индия стала одним из первых некоммунистических государств, которые признали Китайскую Народную Республику (30 декабря 1949 г.), и установила с ней дипломатические отношения (1 апреля 1950 г.).

В начале 1950-х гг. стали развиваться торгово-экономические связи между Индией и Китаем. Развивались также научные, культурные, спортивные и образовательные связи двух государств. Вместе с тем 1950–1951 годы внесли некоторые сложности в связи с тибетским вопросом: Китайская Народная Республика стала продвигаться вглубь Тибета с целью его «освобождения» [Терехов, 2011, с. 61]. На деле же Китай планировал подчинить себе территории, которые он рассматривал как «утраченные» в XIX в., или, по крайней мере, установить особые отношения с государствами, частью которых эти территории

стали. Развитие событий в Тибете вызывало беспокойство в индийских политических кругах, однако урегулирование тибето-китайских отношений посредством «Соглашения из 17 пунктов» 1951 г., в котором Китай обещал не только предоставить Тибету статус автономии, но и всячески способствовать развитию нового района, было оптимистично воспринято в Индии, которая надеялась на выполнение КНР своих обязательств перед тибетским народом [Капица, 1979, с. 44].

Кульминацией индийско-китайского диалога стало заключение 29 апреля 1954 г. Соглашения о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией, в преамбуле которого были закреплены пять принципов мирного сосуществования, именуемые «панча шила» – и именно с его подписанием стали звучать лозунги о китайско-индийском «братстве» [*Agreement on Trade*, 1954]. Это соглашение обозначило желание играть по «азиатским правилам», а принципы были позже закреплены и дополнены на Бандунгской конференции 1955 г. Однако немаловажно отметить, что Индия отказалась от особых привилегий на Тибет и де-факто признала его включение в состав КНР, но не выдвинула на повестку дня вопрос о признании китайской стороной линии Мак-Магона [Gupta, 1978, p. 701].

В июне 1954 г. китайский премьер-министр Чжоу Эньлай совершает официальный визит в Нью-Дели, в ходе которого стороны приходят к единому заключению о том, что необходимо превратить Юго-Восточную Азию в «зону мира», в которой определяющую роль будут играть Индия и Китай, собственным примером показывающие преимущества принципов, прописанных в преамбуле торгового соглашения по Тибету [*Conversation*, 1954, p. 12]. В октябре того же года Джавахарлал Неру нанёс ответный визит в Китай, где он поднял вопрос об изменении китайских карт, отмечавших регион Ладакх на севере Кашмира как часть КНР. Однако Чжоу Эньлай заявил, что это временное недоразумение будет исправлено в новых изданиях карт [Nehru, 1954].

Стремление Неру к проявлению азиатской солидарности побуждало его к всяческой поддержке Пекина не только на двустороннем треке, но и в общемировом масштабе. Наиболее ярким примером является участие индийской стороны в качестве медиатора в переговорном процессе между Вашингтоном и Пекином: Г. Трумэн считал Корейскую войну продолжением политики Китая в отношении Формозы (Тайваня), в то время как Индия выступала за разделение двух конфликтов и приветствовала включение Тайваня в состав КНР [Whiting, 1990, p. 60]. Более того, по мнению Дж. Неру, именно политика США, а не Китая грозила усугублением ситуации вокруг Корейского полуострова и превращением ее в войну за интересы Запада [Кух, 1993, p. 73]. Индия отказалась обвинять Китай в агрессивном поведении, в том числе и при голосовании по соответствующей резолюции в ООН, несмотря на давление со стороны Вашингтона [Whiting, 1990, p. 75]. Следующим шагом навстречу Китаю на глобальном уровне стало бойкотирование Индией Сан-Францисской мирной конференции в 1951 г. Среди причин следует выделить отсутствие КНР в списке «приглашённых», а также тот факт, что текст мирного договора не предполагал возвращение Тайваня (Формозы) в состав Китая и недостаточно явно указывал на передачу Курильских островов и южного Сахалина – СССР, что Индия считала недопустимым [Relations, 1951, p. 1306]. Ещё одной иллюстрацией индийского стремления оказать поддержку дружественному китайскому народу можно считать Бандунгскую конференцию 1955 г. Неру старался вывести КНР из международной изоляции и обеспечил присутствие китайских представителей на конференции. Премьер-министр Чжоу Эньлай выступил с речью о том, что следование разным политическим курсам «не должно влиять на достижение общих желаний» – «защищать мир во всем мире, завоевывать и сохранять национальную независимость и, соответственно, содействовать дружественному сотрудничеству между народами» [Xiaowen, 2020, p. 93]. Риторический отход от деления мира

на коммунистов и остальных был продуманной тактикой и дал свои плоды – Пакистан, изначально выразивший сомнение относительно целесообразности присутствия китайской делегации на конференции, сделал шаг навстречу северному соседу, что позже превратится во «всепогодную дружбу» между ними [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 119–121]. Но главная задача, стоявшая перед КНР в то время, состояла в том, чтобы заявить о своей роли в Азии и в мире, сплотив вокруг себя государства Третьего мира. На этом фоне китайское руководство меняет свою внешнеполитическую стратегию и перестаёт сближаться с Индией, считая себя достаточно сильным актором, который не нуждается в чьей-либо посреднической деятельности.

Бандунгская конференция считается пиком индийско-китайской дружбы, основанной на борьбе с империализмом и закреплённой в принципах мирного сосуществования. После 1955 г. сотрудничество продолжалось скорее инерционно, при этом всё больше росло напряжение в связи с начавшимся расколом коммунистического мира по линии СССР – КНР, усилением экспансионистских устремлений Китая и большей степенью его конфликтности с соседними государствами по территориальным вопросам.

«ОСЕНЬ»: «ТИБЕТСКАЯ ТРАГЕДИЯ» И ПОГРАНИЧНЫЕ СПОРЫ (1959–1962)

Со второй половины 1950-х гг. происходит изменение внешнеполитической концепции КНР, расширился и инструментарий. Советский китаист Е.Д. Степанов очень метко охарактеризовал китайскую стратегию как «ползучую агрессию», осуществляемую посредством заселения китайцами малонаселённых окраин соседних государств с последующим включением этих территорий в состав Китая и обозначением таковых на издаваемых картах. Этот традиционный метод «вгрызания», получивший название «цаньши», или «постепенное поедание земель соседей подобно тому, как шелковичный червь поедает листья», был последовательно применен в отношении всех приграничных государств, а также в акваториях Южно-Китайского моря. Поскольку для подтверждения своих территориальных претензий китайцы выпускали соответствующие карты, эти акты также именуются «картографической агрессией», широко практиковавшейся ещё гоминдановским режимом с середины 1920-х гг. [Степанов, 1986, с. 109, 113–114].

С присоединением Тибета в 1951 г. КНР начинает наращивать своё присутствие в регионе и строить инфраструктуру, связывающую его с остальным Китаем. В 1951–1957 гг. они проложили стратегически значимую дорогу между Синьцзяном и Тибетом, которая прошла через спорный район Аксай Чина [Синьцзан гунлу]. Индийцы не сразу обнаружили оккупацию этой высокогорной области по объективным причинам – ввиду её труднодоступности и соответственно непригодности для проживания там лишь изредка появлялись военные патрули; а кроме того, как пишет Дж. Неру в своём письме премьер-министру КНР от 16 ноября 1959 г., индийцы «не ожидали какой-либо агрессии в приграничных районах» и «не считали необходимым устанавливать контрольно-пропускные пункты прямо на международной границе» [*Letter*, 16 November 1959].

Переломным моментом стало восстание в Тибете в марте 1959 г., когда местное население, устав от противоречившихся соглашению 1951 г. реформ и репрессий со стороны КПК, выступило против коммунистического режима, который жестоко подавил мятеж. Именно тибетские события стали той «точкой невозврата», после которой индийско-китайские отношения так и не смогли оправиться. Бегство тибетского религиозного лидера Далай-ламы с последователями в соседнее государство было воспринято в КНР как предательство принципов мирного сосуществования, и Мао Цзэдун выразил уверенность в необходимости «резко критиковать Неру», «не боясь привести его в раздражение или спровоцировать

разрыв с ним» [Jian, 2006, p. 54, 87]. Индийский премьер-министр, со своей стороны, хотя и испытывал глубочайшую симпатию к стремлению тибетцев отстаивать своё право на сохранение устоев традиционного тибетского общества и считал настоящей трагедией то, что происходило в Тибете, всё же считал нужным воздерживаться от критики северного соседа и сохранять с ним дружеские отношения [27 April, 1959, p. 435–437].

Расхождения двух стран по территориальному вопросу неминуемо толкали их к конфликту. Индийская позиция была выражена Дж. Неру в его письме Чжоу Энляю от 14 декабря 1958 г.: «пограничные вопросы не поднимались, и у нас сложилось впечатление, что между нашими странами не было пограничных споров...», и что «китайско-индийское соглашение, которое было успешно заключено в 1954 г., решило все нерешенные проблемы между нашими двумя странами» [To Chou En-lai, 1958, p. 8]. Ответом на это письмо 23 января 1959 г. китайский премьер впервые открыто выразил мнение КНР по территориальной проблеме, заявив, что китайское правительство никогда не признавало линию Мак-Магона как наследие «агрессивной политики Британии по отношению к Тибету» [Letter, 23 January 1959]¹. Тибетские события способствовали активизации переписки между Неру и Чжоу Энляем, которая стала придавать всё более отчётливые очертания подходам двух стран к территориальной проблеме. 22 марта 1959 г. премьер-министр Индии обозначил географические (рельеф, водоразделы), картографические (множественные издания индийских карт и некоторые китайские карты с соответствующим обозначением границ) и юридические аргументы (в том числе правовые обычаи), на которых базируется индийское видение границы. Он напомнил, что отдельные участки границы зафиксированы в соответствующих соглашениях: Англо-китайской конвенции 1890 г.; договоре 1842 г. между Кашмиром, китайским императором и Далай-ламой; Симлском соглашении 1914 г. [Letter, 22 March 1959]. В ответном письме от 8 сентября 1959 г. Чжоу Энлай назвал ключевую причину, по которой названные документы нельзя считать веским основанием для демаркации границы – они не были признаны центральным китайским правительством [Premier Chou, 1959].

Ситуация на границе стала всё более усложняться. 28 июля 1959 г., несколько китайских формирований вторглись на северо-восточную территорию Индии Ладакх, арестовали индийских полицейских и оттеснили индийскую патрульную группу. В ответ на это 11 августа со стороны индийского правительства последовала нота протеста, но вместо принятия соответствующих действий, 26 августа китайские военнослужащие перешли в открытый конфликт с индийскими военными, что привело к противостоянию на границе, которое продолжалось до осени [Kavic, 1967, p. 66–67]. Ещё одним серьёзным инцидентом стало нападение китайских военных на индийскую полицию 20 октября 1959 г. недалеко от перевала Конгка Ла (плато Ладакх), в результате которого несколько индийцев погибли, несколько были взяты в плен, где, по сообщениям индийской стороны, они содержались в жутких условиях, и были возвращены на Родину только 14 ноября [Eekelen, 2015, p. 108–109].

Эти события вызвали общественный резонанс не только в Индии, но и в мире, при этом страной-агрессором Запад считал «красный Китай». В связи с этим китайское руководство приняло решение об убеждении индийцев в необходимости переговоров, дабы снизить репутационные издержки, вызванные конфликтом, и постараться прийти к компромиссу [Lüthi, 2012, p. 113]. Так, в ходе визита в Дели в 1960 г. Чжоу Энлай предложил Индии сохранить за собой Аруначал-Прадеш в обмен на передачу Аксай Чина Китаю [Horimoto,

¹ Линия Мак-Магона была проведена на карте секретарем по иностранным делам Британской Индии Генри Мак-Магоном и была зафиксирована в Симлской конвенции 1914 г., подписанной представителями британского правительства Индии и Тибетом. Китайцы же с самого начала отказывались признать эту границу, аргументируя это вассальным статусом Тибета по отношению к Китаю и соответственно отсутствием у тибетцев права подписывать подобные документы без санкции центрального китайского правительства (подробнее см. [Шаумян, 2018, с. 292–295]).

2015, р. 98]. Между тем индийское руководство считало территориальные уступки недопустимыми – в результате переговоры не дали никаких результатов: каждая из сторон стояла на своем и стремилась укрепиться на спорных территориях, что впоследствии вылилось в вооруженное столкновение КНР и Республики Индии.

Таким образом, разновекторность политик двух государств, а также ряд сопутствующих факторов, таких как ухудшение условий приграничной торговли в ущерб индийской стороне, выдвижение требований на спорные территории со стороны Китая, само возникновение территориальной проблемы, которая раньше замалчивалась обеими сторонами как якобы «несуществующая», привели к охлаждению между сторонами, а впоследствии и к войне.

«ЗИМА» – ХОЛОДНАЯ ВОЙНА ПО-АЗИАТСКИ (1962–1988)

Нет сомнений, что самым главным событием, повлиявшим на сотрудничество Индии и Китая, стала война 1962 г. Расстановка сил накануне конфликта не оставляла сомнений в исходе противостояния: китайские силы в регионе в разы превышали индийские, были хорошо экипированы и адаптированы к низкому атмосферному давлению в горной местности, при этом в случае необходимости они могли воспользоваться построенной недалеко от Тибета дорогой. Индийцы же были малочисленны, недостаточно обеспечены провизией и вооружением, испытывали проблемы с акклиматизацией к высоте, а в их распоряжении была лишь узкая, крутая горная дорога, что осложняло доставку вооружений и продовольствия [Кух, 1993, р. 203]. 20 октября китайские военные атаковали индийские позиции, в начале ноября взяли под контроль всю ту территорию, которую считали «китайской», а уже 22 ноября в одностороннем порядке отвели войска, оставив за собой Аксай Чин и ожидая от индийцев конструктивных переговоров и признания своих прав на территории [Юрлов, 2010, с. 684]. Некоторые историки даже считают, что китайцы выбрали именно данное время, поскольку основное внимание мировой общественности было приковано к Карибскому кризису [Jaishankar, 2012]. Впрочем, КНР обвинила индийцев в развязывании войны [Chinese Answer Soviet, 2018, р. 91].

Перед лицом реальной военной угрозы на фоне катастрофической слабости индийской армии Неру обратился к США за военной помощью. Американцы открыто выразили свою поддержку индийской стороне как в связи с общим желанием сблизиться с Индией, так и в связи с тем, что рассматривали конфликт не просто как территориальный, а как глобальный в рамках противостояния коммунизму [Кух, 1993, р. 204–205]. Однако и лидер коммунистического мира Советский Союз занял нейтралитет [Лунев, 1993, с. 96]. Именно отсутствие поддержки со стороны Москвы и жёстко антикитайская позиция Вашингтона (а значит, и всего капиталистического мира в целом) заставили Пекин отказаться от продолжения конфликта, поскольку он, по сути, оказался один против всего мира.

Главным образом исход войны сказался на имидже Индии не только как лидера движения неприсоединения, но и как суверенного субъекта международных отношений – страна показала свою крайнюю слабость и не могла претендовать на лидерство в Азии; национальная гордость оказалась ущемлена. Пострадал и индийский премьер-министр Неру, «легендарный отец самой большой демократии в мире», «выразитель идей деколонизации и прав человека» и «главный отец-основатель движения неприсоединения» – как характеризует его Деннис Кукс – так никогда и не пришел в себя после роковых просчетов индийского руководства, повлекших катастрофические последствия для страны [Кух, 1993, р. 208–213]. Война 1962 г. стала водоразделом индийско-китайских отношений на «до» и «после» – весь период до 1988 г. был олицетворением Холодной войны между азиатскими гигантами.

Сообщество афро-азиатских государств попыталось внести свой вклад в урегулирование конфликта между Индией и Китаем, в декабре 1962 г. организовав конференцию в

Коломбо, посвящённую обсуждению спорных вопросов. В ходе дискуссий были предложены 6 пунктов, суть которых сводится к прекращению огня, отведению войск на линию фактического контроля и предложению определить границы по секторам в рамках двусторонних мирных переговоров [*Colombo Conference*, 1963]. Особых результатов эти усилия не дали: если Индия согласилась с положениями, то Китай сначала принял их, а через пару дней отказался от предложенного плана.

2 марта 1963 г. КНР и Пакистан подписали соглашение о границе, по которому государства обменялись территориями: пакистанцы получили небольшие отрезки китайских пастбищ, а китайцы – небольшие области на севере Кашмира [*The Boundary Agreement*, 1963]. Последние представляют собой спорные участки между Пакистаном и Индией, именно поэтому Равалпинди передал Пекину свои права на часть кашмирских территорий. Он надеялся использовать ослабление Индии после конфликта с КНР и заручиться поддержкой северного соседа в кашмирском вопросе. Оставшись после войны с 1962 г. без поддержки, Китай тоже был заинтересован в союзнике, а потому началось их сближение. Вскоре сотрудничество распространилось на целый ряд секторов, а пакистанский фактор стал одним из главных «раздражителей» в диалоге между Дели и Пекином.

1964 год ещё кардинальнее изменил баланс сил в регионе – КНР провела испытания ядерного оружия, став пятым и последним государством в клубе легитимных ядерных держав. Этот факт был крайне болезненно воспринят в Индии, которая сочла это фундаментальным нарушением принципов мирного сосуществования и попыткой «использовать силы науки не для мирных целей повышения уровня жизни шестисот пятидесяти миллионов человек в Китае, а для служения шовинистическим, экспансионистским мечтам о китайской великодержавности» [*Note*, 7 October 1964]. Позже именно угроза со стороны ядерного соседа станет одним из аргументов индийской стороны в оправдание создания собственного ядерного оружия [Talbot, 2006, p. 51].

Очередной кризис индийско-китайских отношений связан с индийско-пакистанской войной 1965 г. По сути, она стала первым испытанием китайско-пакистанской дружбы. Ещё до начала конфликта Китай выражал открытую поддержку пакистанцам, а во время войны напрямую обвинил индийцев в агрессии, стал укреплять пограничные районы и даже предъявил Дели ультиматум о выводе индийских войск, демонтаже индийских военных сооружений с приграничных районов и возврате похищенных тибетцев Китаю – «в противном случае правительство Индии должно понести полную ответственность за все вытекающие из этого серьезные последствия» [*Note*, 8 September 1965]. Дели счёл, что позиции Китая по Кашмиру и конфликту между Индией и Пакистаном – «это не что иное, как вмешательство со стороны Китая, рассчитанное на продление и усиление конфликта» [*Note*, 17 September 1965]. Вопрос снялся сам собой лишь после урегулирования военного конфликта, однако подобные шаги со стороны северного соседа усугубили и без того натянутые индийско-китайские отношения.

Между тем важно рассмотреть и реакцию международного сообщества в целом. Так, в сентябре Вашингтон приостановил поставки вооружений обеим сторонам конфликта [259. Special National, 1965], а СССР придерживался нейтралитета, при этом вместе с США он сдерживал Китай от вмешательства в индо-пакистанский конфликт. На дипломатическом уровне, сложилась удивительная ситуация – капиталистический блок совместно с социалистическим возложили надежды по урегулированию конфликта на ООН [Chakravorty, Kanwal, 2015, p. 35]. Тем не менее медлительность ооновской «машин» и недовольство Дели и Равалпинди предлагаемыми условиями, нежелание США вмешиваться в проблемы Южной Азии на фоне вьетнамских событий, в конечном счёте, привели к тому, что посредником стал Советский Союз. Индия сразу приняла кандидатуру СССР в качестве медиатора. Пакистан же решил подождать результатов китайского ультиматума, а не получив желаемого, обратился к

Вашингтону, но и там не добился поддержки [Ganapathy, 2014, p. 166]. Более того, американцы порекомендовали пакистанцам согласиться с посредничеством СССР, поскольку считали, что «им нечего терять»: удастся Советскому Союзу добиться мира на субконтиненте – Соединенные Штаты также окажутся в выгодном положении, не удастся – советское руководство на себе прочувствует негативный опыт, испытываемый американцами на протяжении 20 лет [McGarr, 2013, p. 342]. В итоге к ноябрю 1965 г. обе стороны приняли предложение СССР встретиться в Ташкенте. Подписанная 10 января 1966 г. Ташкентская декларация предписывала отвод войск и занятие довоенных позиций обеими сторонами конфликта, обмен пленными и укрепление доверия между Дели и Равалпинди [Lowe, Roberts, Welsh, 2008, p. 337].

1965–1967 годы внесли и другие противоречия между Индией и Китаем. На этот раз в центре спора оказался Сикким. Ещё со второй половины 1965 г. Пекин стал предъявлять обвинения Дели в нарушениях границы и похищении людей и животных, индийцы же выражали готовность предоставить опровержения и заявляли о нарушениях с китайской стороны. В 1966 г. переписка между двумя странами стала приобретать всё более обвинительный характер [Notes, Memoranda, White Paper 13, 2016]. В июле 1967 г. произошел дипломатический скандал: Китай выслал двух индийских дипломатов и заблокировал индийское посольство, на что Индия ответила зеркально – впрочем, вскоре произошло взаимное снятие ограничений [Sali, 1998, p. 101]. В сентябре – октябре споры вылились в вооружённые столкновения у горных перевалов Нату Ла и Чо Ла – последние кровопролитные сражения на индийско-китайской границе вплоть до настоящего времени² [Notes, Memoranda, 2016. White Paper 14, 2016]. Однако на этот раз индийцы смогли отразить атаки со стороны Китая и отстоять свои позиции, и на границе сохранился статус-кво.

Укрепление Индии в военно-политическом отношении и соответствующее позиционирование страны в мире обусловили готовность Дели к пересмотру внешнеполитической линии в отношении Китая. 1 января 1969 г. Индира Ганди заявила о готовности Индии начать переговоры с КНР без каких-либо предварительных условий [Ramachandran, 1996, p. 91]. Китайское руководство сначала критически отнеслось к подобным инициативам, но вскоре последовало некоторое потепление отношений: в конце 1970 г. были восстановлены неформальные контакты между индийскими и китайскими дипломатами, в октябре 1971 г. Индия поздравила Китай с принятием в ООН, а в ноябре китайцы пригласили индийскую делегацию на афро-азиатский турнир по настольному теннису. Некоторая нормализация отношений позволила индийцам донести свою позицию по Восточному Пакистану и немного смягчить критику в адрес Дели в индо-пакистанской войне 1971 г. [Sali, 1998, p. 102]. Желание диалога с китайской стороны было связано с негативным имиджем КНР на международной арене после Культурной революции и со снижением влияния в регионе после подписания индийско-советского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, а также ослабления его союзника Пакистана после поражения в войне 1971 г. [Кузык, Шаумян, 2009, с. 877].

И всё же 1970-е годы не принесли кардинальных изменений. Пекин продолжал активно поддерживать Исламабад, особенно с учётом того, что тот стал каналом налаживания взаимодействия с Вашингтоном. Кроме того, в 1974 г. Индия стала шестой ядерной державой, проведя испытания, известные как «Улыбающийся Будда», на полигоне Похран. Пакистан тут же открыто заявил о намерениях развивать собственную ядерную программу в целях защиты от индийской ядерной угрозы, даже если для этого придётся «есть траву» (правда, Исламабад принял это решение ещё на секретном заседании в Мултани в 1972 г. после поражения в войне), а помогать ему в этом стал именно Китай [Talbot, 2006, p. 14–18]. С одной стороны, Дели в некотором роде уравнивал свой статус с Пекином, а с другой –

² Речь идет именно о военных действиях, а не потасовках, в которых также бывают раненые и убитые (как, например, летом 2020 г.).

обострил ядерный вопрос в регионе. В 1973–1975 гг. Сикким превратился из королевства в северо-восточный штат Индии, что вызвало неодобрение со стороны Китая, считавшего гималайское княжество одним из «пяти пальцев» Тибета наряду с Ладакхом, Непалом, Бутаном и Аруначал-Прадешем и вынашивавшего планы объединения Трансгималайского района под своим контролем [Chaudhuri, 1980, p. 41].

Между тем во второй половине 1970-х гг. вновь появились признаки нормализации отношений. Так, в 1976 г. страны восстановили дипломатические связи и стали возрождать культурные, спортивные и торгово-экономические контакты [Кузык, Шаумян, 2009, с. 877–878]. Смена внутривластных курсов в обеих странах также способствовала «потеплению»: в Индии к власти ненадолго (1977–1979 гг.) приходит оппозиционная коалиция партий (включавшая Бхаратию Джан Сангх, после распада коалиции преобразовавшуюся в Бхаратию Джаната парти, или БДП), которая была заинтересована в поддержании добрососедских отношений с Китаем, а в КНР происходят радикальные перемены, связанные с реформами Дэн Сяопина, подразумевавшие смещение акцента на решение внутренних проблем и максимальное нивелирование внешних конфликтов. Отметим, что именно в правление Дэн Сяопина КПК перестаёт поддерживать маоистские движения в Индии, что связано с отходом от следования идеям Мао в самом Китае – это оказало позитивное влияние на индийско-китайский диалог. Визит в Китай министра иностранных дел Индии А.Б. Ваджпаи в 1979 г. стал логичным продолжением положительной динамики взаимодействия, но он был вынужден прервать свой визит в связи с китайским вторжением во Вьетнам – «разрядка» в очередной раз не состоялась.

1980-е годы запомнились серией переговоров по пограничной проблеме, которые, однако, не привели ни к каким продвижениям в её решении. В 1981 г. Индию посетил министр иностранных дел Хуан Хуа. КНР выдвигала идею «пакетного соглашения»: индийской стороне предлагалось отказаться от Аксай Чина в обмен на признание китайцами линии Мак-Магона. Индийское правительство не соглашалось с предложениями Пекина, считая недопустимым уступать свои территории на каких бы то ни было условиях. При этом обнаружились расхождения и по международной повестке дня. Последний конфликт bipolarного периода разразился в 1986–1987 гг. в связи с тем, что Индия законодательно закрепила Аруначал-Прадеш в качестве двадцать четвертого индийского штата. Китайские войска на семь километров вторглись в восточный сектор – в долину Самдуронг Чу, так как права на эту территорию оспариваются КНР. Подобные действия привели к напряжению на границе, которое не переросло в военные столкновения [Sali, 1998, p. 104–105, 109–110]. Оба государства понимали, что их противоречия невозможно решить военным путём, однако можно установить определенные правила игры, которые бы позволили избегать или, по крайней мере, нивелировать конфликтные ситуации – эта установка способствовала выходу Дели и Пекина из критического положения, а впоследствии дала возможность осуществить «разрядку».

«ВЕСНА», ИЛИ НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ДЕЛИ И ПЕКИНА (1988–1991)

1988 год стал действительно эпохальным для индийско-китайских отношений, т. к. именно в этом году произошло окончательное восстановление диалога между двумя государствами на всех уровнях. Символом нового этапа двустороннего взаимодействия стал официальный визит премьер-министра Индии Раджива Ганди в Китай 19–23 декабря 1988 г. Впервые за 34 года индийский премьер-министр посетил Китай – последним до этого был Джавахарлал Неру в октябре 1954 г.

Этот визит также стал знаковым, потому что изменил основополагающий принцип китайского направления индийской политики после войны 1962 г., заключавшийся в том, что нормализация отношений возможна лишь после решения территориальной проблемы: Дели и

Пекин условились развивать сотрудничество во всех направлениях независимо от разрешения пограничных споров, которые с 1988 г. было решено вынести в отдельный формат обсуждений. В связи с этим была образована Совместная рабочая группа (СРГ) по пограничному вопросу, в ведение которой была передана выработка двусторонних соглашений о границе [Sali, 1998, p. 8].

В ходе визита стороны договорились о ежегодных встречах министров иностранных дел, решили создать совместные комитеты на уровне министерств для развития различных направлений индийско-китайского диалога и подписали соглашения о сотрудничестве в сфере науки и технологии, в области культуры и по вопросам гражданской авиации [Prime Minister Rajiv, 1988].

1991 год стал последним рассматриваемым годом по трем взаимосвязанным причинам. Во-первых, на глобальном уровне произошла кардинальная смена мирового порядка, которая отразилась на всех акторах международных отношений. В новой системе Дели и Пекин выявили общность взглядов по мирополитическим вопросам, что стало дополнительным импульсом для укрепления их взаимодействия. Во-вторых, Индия встала на путь либерализации, что, как некогда реформы Дэн Сяопина, также оказало положительный эффект на сотрудничество двух азиатских держав, поскольку способствовало большей открытости государства к диалогу. И, наконец, именно 1991 год стал годом визита китайского премьер-министра Ли Пэна в Индию – первым после 31-летнего перерыва – что закрепило тенденцию на нормализацию отношений на двустороннем уровне.

Таким образом, современный этап взаимодействия Индии и Китая был положен визитом Раджива Ганди в Пекин в 1988 г. С этого момента стороны обмениваются регулярными визитами, налаживают экономическое, культурное, научное и другие направления сотрудничества, а также стремятся к минимизации негативного воздействия исторически сложившихся противоречий. Если раньше территориальный вопрос был камнем преткновения, препятствовавшим прогрессу в других областях двустороннего взаимодействия, то теперь политическая воля руководства обоих государств способствовала выделению имеющихся споров в отдельную плоскость и расширению спектра сфер для укрепления партнёрских отношений. Трансформация международной системы и внутривнутриполитические перемены в 1990-х гг. закрепили успех второй половины 1980-х гг. и устойчивость позитивной динамики взаимодействия Индии и Китая, несмотря на сохранение разногласий по территориальным вопросам, усиление регионального соперничества и неизменность фактора недоверия между ними.

* * *

Итак, период 1950–1991 гг. показал, насколько разными могут быть отношения между Дели и Пекином. Некогда стремившиеся к достижению общих целей освобождения афро-азиатского мира от колониализма и империализма, они совместно выработали принципы «панча шила» и стремились к консолидации развивающихся стран в духе Бандунгской конференции. Индийский премьер-министр Джавахарлал Неру, считавший не только возможным, но и естественным лидерство двух древнейших азиатских цивилизаций в новом, деколонизованном мире, протянул руку помощи КНР, де факто находившейся в то время в изоляции в силу своих идеологических установок. Однако дружба индийского и китайского народов продлилась недолго: после Бандунгской конференции положительная динамика их взаимодействия пошла на спад. Тибетские события, усиление разногласий и нежелание ни одной из сторон идти на уступки привели к индийско-китайской войне 1962 г., после которой отношения так и не стали прежними.

«Холодная война» между Индией и Китаем стала следствием «горячей» войны 1962 г., в которой формально оказалась проигравшей стороной первая, но, как показала история, в действительности проиграли обе. В то время Дели не мог претендовать на статус лидера афро-азиатского мира, Пекин остался без союзников, а контакты были практически

заморожены. При этом непосредственно территориальный спор не только не был решён – его усугубил фактор тотального недоверия сторон друг другу. В дальнейшем индийско-китайские отношения хоть и претерпевали некоторые положительные изменения, однако либо напрямую, либо опосредованно страны неизменно возвращались к конфронтации. Во второй половине 1970-х гг. стороны начали искать *modus vivendi*, однако лишь конец 1980-х гг. показал, что Индия и КНР готовы к нормализации взаимодействия, особенно в условиях новых внутривнутриполитических и международных изменений, пик которых пришёлся на 1991 г., когда закончился практически полувековой период bipolarности и двум азиатским гигантам предстояло найти своё место в новой системе международных отношений.

В целом можно говорить о том, что, хотя территориальные проблемы были заложены в колониальный период, большинство фундаментальных противоречий в отношениях Индии и КНР появились или обострились именно во второй половине XX века. Учитывая тот факт, что они продолжают оказывать влияние и на современном этапе, анализ истории взаимодействия Нью-Дели и Пекина необходим для понимания текущего состояния индийско-китайского диалога. Его автор охарактеризовала бы как «калейдоскоп времен года» ввиду различной природы двусторонних отношений (то осень, что наглядно видно из периодической эскалации напряжённости в приграничных районах; то весна – попытки дипломатического урегулирования, в том числе посредством «неформальных» саммитов и наращивания товарооборота³), что связано с кардинальным изменением роли и намерений Китая и усилением Индии на мировой и региональной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *История Пакистана. XX век*. М: Институт Востоковедения РАН, 2008 [Belokrenitskiy V.Ya., Moskalenko V.N. *History of Pakistan. 20th Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS, 2008 (in Russian)].

Капица М.С. *КНР: три десятилетия – три политики*. М.: Политиздат, 1979 [Kapitsa M.S. *PRC: Three Decades – Three Policies*. Moscow: Politizdat, 1979 (in Russian)].

Кузык Б.Н., Шаумян Т.Л. *Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке*. М.: Институт экономических стратегий, 2009 [Zuyk B.N., Shaumian T.L. *India – Russia: Partnership Strategy in 21st Century*. Moscow: Institute of Economic Strategies, 2009 (in Russian)].

Лунев С.И. *Дипломатия в Южной Азии*. М.: Наука, 1993 [Lunev S.I. *Diplomacy in South Asia*. Moscow: Nauka Publ., 1993 (in Russian)].

Степанов Е.Д. *Пограничная политика КНР: стратегические цели и тактические приемы (1949–1984 гг.)*. М.: Институт Дальнего Востока АН СССР, 1986 [Stepanov E.D. *China's Border Policy: Strategic Goals and Tactics (1949–1984)*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies of the Academy of Sciences of the Soviet Union, 1986 (in Russian)].

Терехов В.Ф. Территориальная проблема в китайско-индийских отношениях: истоки, эволюция и современное состояние. *Проблемы национальной стратегии*. 2011. № 4. С. 57–76 [Terehov V.F. The Territorial Issue in Sino-Indian Relations: Origins, Evolution and Current State. *National Strategy Issues*, 2011. No. 4. Pp. 57–76 (in Russian)].

Шаумян Т.Л. Противостояние в Гималаях: территориальные проблемы в исторической перспективе. *Труды Института востоковедения РАН*. № 12. 2018. С. 287–306 [Shaumian T. Confrontation in

³ Наиболее ярким примером таких изменений на современном этапе можно считать ситуацию в районе Ладакха, которая в 2020 г. обострилась настолько, что привела к жертвам с обеих сторон. На этом фоне многие стали опасаться «сползания» к войне, однако после нескольких раундов переговоров сторонам вновь удалось встать на путь мирного урегулирования: в феврале 2021 г. они начали поэтапное отведение войск от Линии фактического контроля и продолжают вести переговоры с целью дальнейшей нормализации ситуации.

the Himalayas: Territorial Problems in the Historical Perspective. *Papers of the Institute of Oriental Studies of the RAS*. 2018. No. 12. Pp. 287–306 (in Russian)].

Юрлов Ф.Н. *История Индии. XX век*. М.: Институт востоковедения РАН, 2010 [Yurlov F.N. *History of India. 20th Century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2010 (in Russian)].

259. Special National Intelligence Estimate. *Central Intelligence Agency*, Job 79-R01012A, ODDI Registry of NIE and SNIE Files. Secret; Controlled Dissem; Limited Distribution. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v25/d259> (accessed: 15.05.2021).

27 April 1959. *Lok Sabha Debates*. Second Series, Vol. XXX. Cols. 13493–13503. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 48. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2013.

Agreement on Trade and Intercourse with Tibet Region of April 29, 1954. Ministry of External Affairs, Government of India. 09.2019. <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/7807/Agreement+on+Trade+and+Intercourse+with+Tibet+Region> (accessed: 10.09.2020)

Chakravorty P.K., Kanwal G. Operation Gibraltar: An Uprising that Never Was. *Journal of Defence Studies*, 2015. Vol. 9. No. 3. Pp. 33–52.

Chaudhuri S. *Maoist Betrayal India: A Case Study*. New Delhi: Sterling Publishers Pvt. Ltd., 1980.

Chinese Answer Soviet Criticism of Chinese Position in Sino-Indian Border Dispute. *Translations on International Communist Developments No. 541*. U.S. Joint Publications Research Service. 2018.

Colombo Conference Proposals on Indian-Chinese Border Dispute. 1963. HeinOnline. <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/intlm2&div=27&id=&page=> (accessed: 01.02.2021).

Conversation with Chou En-lai (II). Second session, New Delhi, 10 pm to midnight, 25 June 1954. *V.K. Krishna Menon Papers*, NMML. Extract, 1954.

Deshingkar G. India – China Relations: The Nehru Years. *China Report*, 27(2).1999. Pp. 85–100.

Eekelen W. *Indian Foreign Policy and the Border Dispute with China: A New Look at Asian Relationships*. Leiden: Brill, 2015.

Ganapathy V. Military Lessons of the 1965 Indo-Pakistan War. *Scholar Warrior*, Autumn 2014. <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.737.6110&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 15.05.2021).

Gupta K. Sino-Indian Agreement on Tibetan Trade and Intercourse: Its Origin and Significance. *Economic and Political Weekly*. Apr. 22, 1978. Vol. 13. No. 16. Pp. 696–702.

Horimoto T. India's Wars: The Indo-Pakistani Wars and the India-China Border Conflict. *2015 International Forum on War History: Proceedings*. 07.2015. <http://www.nids.mod.go.jp/english/event/forum/pdf/2015/07.pdf> (accessed: 15.05.2021).

Jaishankar D. 1962's Other Crisis: India and China Go to War. *The Diplomat*. 20.10.2012. <https://thediplomat.com/2012/10/seeing-china-through-indian-eyes-the-legacy-of-1962/> (accessed: 15.05.2021).

Jian C. The Tibetan Rebellion of 1959 and China's Changing Relations with India and the Soviet Union. *Journal of Cold War Studies* – Vol. 8, Issue 3, Summer 2006. Pp. 54–101.

Kavic L.J. *India's Quest for Security: Defense Policies, 1947–1965*. University of California Press, 1967.

Kux D. *India and the United States: Estranged Democracies 1941–1991*. Washington, DC: National Defense University Press, 1993.

Letter from the Prime Minister of China to the Prime Minister of India, 23 January 1959. Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified.

Letter from the Prime Minister of India to the Prime Minister of China, 16 November 1959. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 54. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2013.

Letter from the Prime Minister of India to the Prime Minister of China, 22 March 1959. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 47. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2013.

Lowe V., Roberts A., Welsh J. *The United Nations Security Council and War: The Evolution of Thought and Practice since 1945*. OUP Oxford. 2008.

Lüthi L. Sino-Indian Relations, 1954–1962. *Eurasia Border Review*. Vol. 3, Special Issue. 2012. Pp. 93–119.

McGarr P.M. *The Cold War in South Asia: Britain, the United States and the Indian Subcontinent, 1945–1965*. Cambridge University Press, 2013.

Nehru J. *Note on Visit to China and Indo-China*. November 14, 1954. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*, Series II, Vol. 27. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2000.

Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 7 October, 1964. *Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 11 (January 1964 – January 1965)*. 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper11NEW.pdf> (accessed: 17.11.2020).

Note given by the Ministry of External Affairs, New Delhi, to the Embassy of China in India, 17 September, 1965.

Note given by the Ministry of Foreign Affairs, Peking, to the Embassy of India in China, 8 September, 1965. *Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 12 (January 1965 – February 1966)*. 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper12NEW.pdf> (accessed: 17.11.2020).

Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 13 (February 1966 – February 1967). 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper13NEW.pdf> (accessed: 12.12.2020).

Notes, Memoranda and letters Exchanged and Agreements signed between The Governments of India and China: White Paper 14 (February 1967 – April 1968). 12.2016. <http://www.claudearpi.net/wp-content/uploads/2016/12/WhitePaper14NEW.pdf> (accessed: 24.01.2020).

Pillai K.R. *The Political Triangle: Pakistan, India and Britain*. New Delhi: Abhinav Publications, 1970.

Premier Chou En-lai's Letter to Prime Minister Nehru. (September 8, 1959). Wilson Center: Digital Archive, International History Declassified.

Prime Minister Rajiv Gandhi's Visit to China. *China Report*. 25(2). 1989. Pp. 187–200.

Ramachandran S. *Decision-making in Foreign Policy*. New Delhi: Northern Book Centre, 1996.

Relations of the United States: Diplomatic Papers. U.S. Government Printing Office, Vol. VI 'Asia and the Pacific' (in two parts), 1951.

Sali M.L. *India – China Border Dispute: A Case Study of the Eastern Sector*. New Delhi: APH Publishing, 1998.

Talbott S. *Engaging India: Diplomacy, Democracy, and the Bomb*. Brookings Institution Press, 2006.

The Boundary Agreement Between China and Pakistan, 1963. Anna Maria Baldussi, Università degli Studi di Cagliari. 04.2015. <https://people.unica.it/annamariabaldussi/files/2015/04/China-Pakistan-1963.pdf> (accessed: 24.01.2020).

To Chou En-lai. December 14, 1958. *Selected Works of Jawaharlal Nehru*. Series II. Vol. 45. New Delhi: Jawaharlal Nehru Memorial Fund, 2012.

Whiting A.S. *China Crosses the Yalu: The Decision to Enter the Korean War*. Stanford: Stanford University Press, 1990.

Xiaowen H. The 1950s in China–India relations. *Routledge Handbook of China–India Relations*, Ed. Bajpai K., Ho S., Miller M.C. 1st Edition, London: Routledge, 2020.

新藏公路. Синьцзан гунлу [Синьцзян–Тибетское шоссе – Xinjiang-Tibet Highway (in Chinese)] <https://baike.baidu.com/item/新藏公路> (accessed: 15.05.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ШАВЛАЙ Эллина Петровна –
преподаватель кафедры английского языка
№ 1, аспирантка кафедры востоковедения,
МГИМО МИД России, Москва,
Российская Федерация.

Ellina Petrovna SHAVLAY,
Lecturer at the English Language Department
No. 1, PhD Student at the Department of Oriental
Studies, MGIMO University, Moscow,
Russian Federation.